

Михаил Николаевич САЕНКО

ПРАСЛАВЯНСКОЕ **(w)qṣb* ‘УС’: ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ

COBISS: 1.01

<https://doi.org/10.3986/JZ.31.2.07>

Praslovansko **(w)qṣb* ‘brk’: problemi rekonstrukcije

V prispevku poskušamo odgovoriti na vprašanje, ali je v pozni praslovanščini možno rekonstruirati obliko **wqṣb*. Dokazujemo, da stara cerkvena slovanščina, starosrbščina in staročeščina to tezo zavračajo. Pri tem je pomenljivo, da sodobna češka oblika *vousy* ‘brada’ ni zanesljiv dokaz. Hkrati tudi dokazujemo, da rekonstrukcija **qṣb* ne nasprotuje tradicionalni etimologiji te besede in govorí v prid razlage, ki jo je predlagal Oleg N. Trubačov. Predlagani sta dve razlagi za izgubo začetnega *w*- pri oblikih **(w)qṣb* v pozni praslovanščini.

Ključne besede: praslovanski jezik, poimenovanja telesnih delov, rekonstrukcija.

Proto-Slavic **(w)qṣb* ‘moustache’: problems of reconstruction

This article explores whether the form **wqṣb* or **qṣb* existed in Late Proto-Slavic. It is demonstrated that Old Church Slavic, Old Serbian, and Old Czech data speak rather in favor of the second variant. The modern Czech form *vousy* ‘beard’ cannot be considered a reliable argument. At the same time, it is shown that the reconstruction **qṣb* does not contradict the traditional etymology of this word and does not support the alternative version put forward by Oleg Trubachev. The author proposes two explanations for the loss of initial *w*- by the form **(w)qṣb* in Late Proto-Slavic.

Keywords: Proto-Slavic language, somatic vocabulary, linguistic reconstruction

1 ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Для праславянского довольно надёжно восстанавливается название **(w)qṣb* ‘ус’ на основании следующих форм: болг. диал. *въс* ‘усы’ (БЕР 1: 214–215), слвн. *vōs* ‘китовый ус; шерсть (устар.)’, чеш. *vousy* ~ *fousy* ‘борода’, слвц. *fúz* ‘усы’, полаб. *vōs* ‘борода’, пол. *wqsy*, *wqs* ‘усы’, каш. *wqs* ‘id’, укр. *вýса* (изначально форма дв.ч.) ‘id’, бел. *вýсы* ‘id’, рус. *ус*, *усы* ‘id’.

Cxp. *ūsi* ‘китовый ус’ заимствовано из русского (Gluhak 1993: 654; ERHJ 2: 519), заимствованиями из других славянских языков также, скорее всего, являются в.-луж. *wusy* ‘усы’ и н.-луж. *wusy* ‘id’ (Schuster-Šewc 22: 1710).

Mihail Nikolajevič Sajenko ■ Inštitut za slavistiko Ruske akademije znanosti, Moskva, Rusija ■ mikhail.sajenko@yandex.ru ■ <https://orcid.org/0000-0002-5829-7527>

Существует две основных этимологии **(w)osъ*. Наиболее популярная считает родственниками славянского слова прус. *wanso* (f.) ‘юношеский пушок на лице’ (< *wonsā), др.-греч. ἕονθος ‘id’ (< *wiwond^hos), сп.-ирл. *find* ‘волос’ (< п.-кельт. *wendos), *fés* ‘волосы на теле’ (< п.-кельт. *wensos), д.-в.-н. *wintbrāwa* ‘ресница’ (словосложение со вторым элементом *brāwa* ‘бровь’), все от корня **uend^h*- ‘мотать, обивать’, часть форм образована при помощи суффикса *-so-* (Фасмер 4: 169–170; Черных 2: 293–294; Bezljaj 4: 345; Rejzek 2001: 720; Boryś 2005: 682; Králík 2015: 174).

Литовское литературное *ūsai* ‘усы’ заимствовано из бел. *вусы*. Диалектные варианты *uostai* ~ *uostaĩ* объясняются народноэтимологическим влиянием глагола *ūostyti* ‘нюхать, обонять’ (Smoczyński 2007: 707). Напротив, прусское *wanso* в силу разницы формы и семантики славизмом не является вопреки (Соболевский 1914: 437; Brückner 1985: 604–605; Holub – Kopečný 1952: 422).

Альтернативная гипотеза, выдвинутая О.Н. Трубачёвым, пользуется меньшей поддержкой, однако регулярно фигурирует в этимологической литературе. Она отталкивается от реконструкции **osъ* и постулирует родство с санскр. *áṁsaḥ* ‘плечо’, др.-греч. ὄμος ‘id’, лат. *umerus* ‘id’, с дрейфом ‘плечо’ > ‘волосы до плеч’ > ‘усы до плеч’ > ‘усы’ (Трубачёв 1: 120–121; Gluhak 1993: 654; ЭССЯ 40: 72–74).

В семантическом отношении первая гипотеза значительно предпочтительнее, особенно если учесть, что как нами было показано ранее, сопоставление схр. *břkovi* ‘усы’ и слвн. *břki* ‘id’ с пол. *bark* ‘плечо’ не может служить семантической параллелью для гипотезы Трубачёва, поскольку оба значения развились у потомков п.-сл. **bъrkъ* ‘очин пера’ независимо друг от друга (Саенко 2019). Необходимость в альтернативной гипотезе была вызвана тем, что традиционная версия, на первый взгляд, противоречит реконструкции **osъ*, на которую указывает русское *ус*, и требует архетипа **wosъ*.

Исходя из того, что первичной является форма **osъ* (и это поддерживает гипотезу Трубачёва), а формы славянских языков с начальным *w-* ~ *v-* ~ *ε-* всегда объясняются протезой, Т.В. Шалаева на материале Общеславянского лингвистического атласа предприняла попытку сопоставления карты наличия или отсутствия протезы в **(w)osъ* и его производных с картой распространения протезы перед **a-*, **o-*, **e-* и **i-* (Шалаева 2021: 189–192). Однако автор не учёл, что в некоторых славянских языках **o-*, **e-* и **i-* в отношении протезы ведут себя по-разному, например, в части чешских говоров и разговорном чешском *v*-протеза стабильно возникает перед *o-*, но не перед *i-* (< **i-* и **e-*), и чешская протеза перед *o-* никак не может быть аргументом в пользу реконструкции **osъ*, таким образом полученные Т.В. Шалаевой данные

оказываются нерелевантными, для реконструкции $*(w)qs'$ необходимо ограничиться только протезой перед $*q$ - . Таким образом, вышеупомянутая чешская форма *vousy* ~ *fousy* на первый взгляд является серьёзным доводом в пользу $*wqs'$.

В праславянском протетический $*w$ - стабильно появлялся только перед $*y$ - и $*v$ - , в случае остальных гласных заднего ряда славянские языки разнятся между собой, см. таблицу 1.

Таблица 1: Наличие или отсутствие протезы перед гласными заднего ряда в славянских языках

	$*q$ -	$*u$ -	$*o$ -
болг.	<i>въ-</i>	<i>y-</i>	<i>o-</i>
мак.	<i>ja-</i>	<i>y-</i>	<i>o-</i>
срп.	<i>u-</i>	<i>u-</i>	<i>o-</i>
слвн.	<i>vo- / o-</i>	<i>u-</i>	<i>o-</i>
чеш.	<i>u-</i>	<i>u-</i>	<i>(v)o-1</i>
слвц.	<i>u-</i>	<i>u-</i>	<i>o-</i>
в.-луж.	<i>wu-</i>	<i>wu-</i>	<i>wo-</i>
н.-луж.	<i>wu-</i>	<i>wu-</i>	<i>wo-</i>
пол.	<i>wq- / wç-</i>	<i>u-</i>	<i>o-</i>
бел.	<i>ey-</i>	<i>ey-</i>	<i>eo-</i>
укр.	<i>ey- / y-</i>	<i>ey- / y-</i>	<i>o- / ei-</i>
рус.	<i>y-</i>	<i>y-</i>	<i>o- / eo-</i>

Как мы видим из таблицы, в таких языках как болгарский, польский, лужицкие и белорусский в силу наличия регулярной протезы перед $*q$ -континуанты $*wqs'$ и $*qs'$ различаться не будут никак, поэтому их данные не помогают понять, какая из реконструкций обоснованнее, и должны быть исключены из рассмотрения при реконструкции праформы этого слова.

2 ПРОБЛЕМА УТРАТЫ *W*-

На самом деле, сама по себе реконструкция $*qs'$ не является сильным аргументом в пользу гипотезы Трубачёва, поскольку начальный $*w$ - мог утратиться в праславянском или в ходе истории отдельных славянских языков. Нам известен целый ряд подобных случаев:

1 Напомним, что протеза перед *o*- , характерная для большинства чешских говоров и разговорного языка (*voko*, *vokno*, *von* и т.д.) не была кодифицирована в литературном языке.

- (1) Праслав. **osa* ‘оса’ (все языки без протезы перед **o*- указывают на такую реконструкцию:² болг. *osá*, мак. *osa*, схр. *ðsa*, слвн. *ósa*, слвц. *osa*, пол. *osa*, укр. *ocá*, рус. *ocá*) родственно лит. *vapsvà* ‘id’, лат. *vespa* ‘id’, англ. *wasp* ‘id’ и т.д. Формы родственных языков позволяют реконструировать п.-и.-е. **ȝob^hseh*,, вероятно, дериват от **ȝeb^h-* ‘ткать, плести’.
- (2) Праслав. **wqđiti* ‘коптить’ дало чеш. *udit*, слвц. *údit*; у потомков родственного **wēdnqti* ‘вянуть’ начальный согласный всегда сохраняется: мак. *vene*, схр. *vēnuti*, слвн. *véniți*, чеш. *vadnout*, слвц. *vädnút*, бел. *вяնуць*, укр. *в'янути*, рус. *вянуть*. Оба глагола происходят от п.-и.-е. **(s)ȝend^h-* ‘вянуть, исчезать’ (LIV 2001: 610).
- (3) Славн. *árho* ‘известь’, диал. также *járho* при схр. *várpno* ‘id’, чеш., слвц. *vápno* ‘id’, пол. *wapno* ‘id’, укр. *vapnó* ‘id’, бел. *vápna* ‘id’.
- (4) Праслав. **wymę* ‘вымя’ отразилось без начального *w*- в целом ряде славянских говоров: *'ime* (схр. пункт 72, мак. 104–111, 113а, болг. 114, 116, 119, 120, 123, 126, 128, 133, 134, 167, 852, 853), *'imi* (болг. 113, 124, 129–132, 135, 136, 138, 140, 142, 144), *'i:mi* ~ *'i:me* (болг. 143), *'im'a* (болг. 137), *'im'ę* (болг. 850, 851), *imeno* (слвц. 154), *im'e* (н.-луж. 234), *'imje* (бел. 383, укр. 424), *'imja* (бел. 384), *'im'je* (бел. 394), *'ymn'e* (укр. 405), *'mn'e* (укр. 423), *'ymje* (укр. 438), *'ym'a* (укр. 484), *'im'ja* (укр. 521), *'im'ə* (рус. 606, 844), *'im'o* (рус. 628), *'im'a* (рус. 694, 776, 802, 804, 816, 817, 846); в некоторых восточнославянских говорах присутствуют новые протетические *j*- или *h*-: *'imje* (бел. 382, 386, 389, 390, 399, укр. 417, 425, 435, 436), *'im'e* (бел. 385), *'im'ja* (бел. 391), *'im'a* (бел. 395), *'im'ja* (бел. 396), *'imja* (бел. 400), *'hemn'a* (укр. 403), *'h'ymn'e* (укр. 409, 410), *'jemje* (укр. 411, 418), *'jimm'e* (укр. 417, 435), *'jiemje* (укр. 426, 437), *'im'a* (рус. 776, 787, 789, 801, 803, 818–825, 848), *'im'ə* (рус. 844) (ОЛА ФГ 2а/41; ОЛА БМ 2015: 80).
- (5) Праслав. **wylna* ‘шерсть’ дало слвн. диал. *'a:ȝna* (18), схр. диал. *'una* (22) (ОЛА ФГ 3/5).
- (6) Праслав. **woda* ‘вода’ утратило первый согласный в ряде македонских и болгарских говоров: *'oda* (112–113а), *u'də* (124, 129–131, 136, 137, 167), *u'da* (135, 144), *u'də* (138), *o'da* (140), *u'də:* (143) (ОЛА ФГ 5/33).
- (7) Праслав. **wol'a* ‘воля’ известно без первого согласного в нескольких южнославянских говорах: *'ɔ'l'a* (схр. 84), *ó:la* (слвн. 146), *'ole* (болг. 167) (ОЛА ФГ 5/34).
- (8) Праслав. **veprъ* ‘кабан’ > бел. диал. *jap'ruk* ‘id’ (356, 365, 366, 376) (ОЛА ФГ 46/48).

² В чешском литературном языке была кодифицирована диалектная форма *vosa* с протезой (возможно, для отличия от *osa* ‘ось’), для говоров без протезы характерен вариант *osa* (ČJA 2: 141–142).

- (9) Целый ряд примеров мены начального *w*- на *й*- предоставляют русские говоры: *'jerba* (746) из *вérba* (ОЛА ФГ 3/5), *ёрица* ‘рыболовный снаряд из прутьев’ при *вершиа* (Аникин 6: 351), *екиáрь*, *ешкáрь* ‘гриб-подосиновик’ при *вешкáрь* (Аникин 15: 301), *ертебище* ‘округлая впадина, образующая изгиб берега’ при *вертебище*, *ертей* ‘речка с болотистыми мшистыми берегами’ при *вертéй* (Аникин 16: 43), *ёх* ‘водяное растение’ при *вёх*, *éхалка* ‘пук соломы’ при *вех* (Аникин 16: 81).
- (10) Мена начального **w*- на *g*-/γ-/i- представлена в ряде славянских говоров у потомков **worbyjь* / **worbyсь* ‘воробей’: слвн. *hrá:bac*, *hrá:bac* (2), *yrà:pc* (4), *yrá:pc* (6), *grá:fc* (7), *yrá:pc* (8), *g'rq:bec* (11); пол. *rybel'* (268), *grobel* (269), *hrobel'* (287); бел. *hara'b'ej* (345, 355), *jera'b'ej* (356), *yaro'bej* (363), *hara'bok* (364), *hora'bešok*, *ora'bešok* (375), *ora'bej* (383), *yara'bej* (384), *ara'b'ej* (385); укр. *horo'bej* (405, 409, 417, 423, 424, 434, 443, 456-459, 477), *huru'bac'* (406), *horo'bec'* (407, 415, 432, 433, 473), *horo'baj* (407), *huru'bel'* (408), *ara'b'ej* (410) *uro'bej* (411), *horo'bec* (413), *horo'bec'* (416, 422, 428, 452, 455, 458, 462-464, 474-476, 478-482, 490-495, 497, 499-502, 504, 505, 507-521, 524, 836, 843, 849), *hara'bej* (417), *ro'bej*, *oro'bej* (418), *huru'bec* (420, 421), *horo'bec* (430), *horo'bec* (431, 451, 487-489, 498, 506, 514, 523, 847), *huru'bec'* (433), *horo'bec'* (453), *horo'bec'* (454, 503), *horo'bac* (522), *hara'bec'* (843); рус. *yara'b'es* (841), *yara'b'ej* (846), *yara'b'ec* (848) (ОЛА ЛС 13/25).
- (11) Нередко встречается мена начального согласного на *j*-, реже полное исчезновение, у потомков **wewerъka* / **wewerica* ‘белка’: слвн. *jə'vierca*, *i'vierca* (10); схр. *jèverica* (59, 61, 66-68, 76-78), *jèver'ca* (60), *'ieverica* (71, 74), *'(j)everica* (73), *'yverica* (146a); пол. *uv'orka* (240); бел. *a'worka* (336), *ja'jorka* (338, 345, 347, 354-356), *je'v'orka* (363), *jaç'jorka* (376), *jaw'jorka* (381); укр. *jeç'jurka* (407), *'jev'irk'a* (414) (ОЛА ЛС 13/7).

Часть этих примеров можно объяснить диссимиляцией двух губных: **osa*, **war্যpo*, **wymę*, **wylna* (после перехода *lC>çC*), **veprь*, **worbyjь* / **worbyсь*, **wewerъka* / **wewerica*. На справедливость такого объяснения указывают явно диссимилированные формы среди обозначений белки: *láiiverca* (14), *lé:-varca* (16), *çíhärca* (148), *'zevarca* (149), *n'eçə'r'icka* (234), *n'eçədr'ička* (235), *bavjorka* (274), *l'i'w'irk'a* (372), *l'e'v'irk'a* (373) (ОЛА ЛС 13/7).³ Известны и другие примеры дистанционной диссимиляции двух губных, в том числе ещё праславянский случай **swoboda* > **sloboda* ‘свобода’. Среди прочих примеров болг. диал. *булбучиšъm* > *булгучиšъm*, *булдушиšъm* ‘плещусь,

3 Есть также пример ассимиляции: *bé:barca*, *bébà:rc'a* (пункт ОЛА 147). Аналогичная ассимиляция широко представлена у обозначений воробья в чешских говорах: *brabec*, *brapča:k*.

плюхаюсь’; **bibrъ* > схр. *dabar* ‘бобр’; слвн. диал. *vamp* > *lamp* ‘живот’; **mimo* > словин. *tmīvø* ‘мимо’; польск. диал. *wdowa* > *gdowa* ‘вдова’; польск. *miedzwiedz* > *niedzwiedz* ‘медведь’; укр. диал. *kvápitися* > *klápitisя* ‘спешить’ (Саенко 2022: 116–117).

Вторым фактором, объясняющим исчезновение *w*- является ассимиляция с последующим *-i-* или *-o-*. Такое явление известно чешским говорам, в которых **l* изменился в **ɥ*: **lqka* > *ɥíka* > *úka* ‘луг’, **lučь* > *ɥíč* > *úč* ‘луина’, **lopatka* > *ɥopatka* > *opatka* ‘лопатка’, *ɥokše* > *okše* ‘лапша’ (ČJA 5: 174).⁴ Ещё шире это представлено в польских говорах: *plot* > *pot* ‘забор’, *pluca* > *riaca* ‘лёгкие’, *plug* > *pug* ‘плуг’, *mlyn* > *myn* / *món* ‘мельница’, *dłuższy* > *duższy* ‘более длинный’, *sluchaj* > *suchaj* ‘слушай’, *slupica* > *supica* ‘стойка плуга’, *klonica* > *konica* ‘ручица’, *kłódka* > *kódka* / *kodka* ‘навесной замок’, *kłosie* > *kosie* / *kósie* ‘колося’, *glupiego* > *gupiego* ‘глупого’, *glupiej* > *gupiej* ‘глупой’, *łokieć* > *okieć* ‘локоть’ и др.⁵ (MAGP 12-1/592; MAGP 12-2: 163–167). Этим может объясняться отсутствие *v*- в чеш. *udit*, слвц. *údit’* ‘коптить’, при условии, что начальный согласный исчез ещё в ту эпоху, когда его произношение было [w], а не [v].

Третьим из факторов, которые следует учитывать, является переразложение. Например, те же чеш. *udit* и слвц. *údit’* могут быть результатом переразложения *obuditi* из приставочного **obwɔditi*.⁶ Также переразложение могло происходить в сочетаниях существительных с предлогом **иъ*, именно так объясняют рус. диал. *Ariáva* из *Variáva* и *amága* из *vamatága* (Аникин 6: 99, 114).

Некоторые случаи можно объяснить гиперкорректной меной протез: если в идиоме в качестве протетических выступают два согласных (например, *v-* и *z-* в украинском), иногда возможно варьирование между ними, а также гиперкорректная мена этимологически непротетического согласного на основании этого варьирования. Именно так Ю. Шевелёв объяснял такие диалектные украинские формы как *gözмуть* при лит. *vízьмуть*, *голочíти* при лит. *волочíти*.⁷ То же он применял к формам с отсутствием начальных *v-* и *z-*: *озмú* при лит. *vízьму*, *орóх* при лит. *горóх*, *одýна* при лит. *годýна* ‘час’, *óрон* при лит. *góрно* ‘горн’ и т.д. (Shevelov 1979: 451–452).

4 Известны и примеры слияния при обратном расположении звуков: **volъ* > *vu:ɥ* > *vu:* ‘вол’, **miñqlv* > *miñɥ* > *miñu*: ‘промахнулся’, **otvrosčiñqlъ* > *otvrosčiñɥ* > *otvrosčiñu*: ‘отдохнул’ (ČJA 5: 174). В чешском литературном произошло аналогичное изменение в окончании gen.pl.masc. *-owъ > -uv > -ů.

5 Вслед за атласом формы даны в литературной орфографии, а не в диалектной транскрипции.

6 Производным этого глагола является рус. *буженина*, демонстрирующее несколько иное переразложение (Аникин 5: 59–60).

7 Так же Шевелёв пояснял пару *воробеъ* ~ *горобеъ*, и то же объяснение было принято в (ЕСУМ 1: 560). Однако приведённые выше словенские формы с *g-* заставляют усомниться в том, что именно для этого слова такое объяснение справедливо.

Важно подчеркнуть, что для этимологии наличие или отсутствие *w-* в форме **(w)qsъ* не так уж важно, что, однако, не отменяет необходимости собрать аргументы в пользу той или иной реконструкции, чем мы и планируем заняться в следующем разделе статьи.

3 **wqsъ* или **qsъ?*

3.1 Старославянский и церковнославянский

В основных старославянских словарях континуанты слова **(w)qsъ* отсутствуют.⁸ Не в последнюю очередь это связано с тем, что в греческом тексте Библии слово μύσταξ (как и **μέντης** в древнееврейском тексте) фигурирует лишь единожды: καὶ Μεμφιβοσθε νιὸς Ιωναθαν νιοῦ Σαουλ κατέβη εἰς ἀπαντήν τοῦ βασιλέως: καὶ οὐκ ἐθεράπευσεν τοὺς πόδας αὐτοῦ οὐδὲ ὠνυχίσατο οὐδὲ ἐποίησεν τὸν μύστακα αὐτοῦ (2Цар. 19:24), что в древнейшем дошедшем до нас полном славянском тексте Ветхого Завета было переведено как *врада*, ср.: ǐ се мемфибō сн̄ть іѡнфоань, сна саѹглък . Й съниде на сѹѣтѣниe црю . ǐ не покон ногоу своею . ни нокътъ ѡкѹѣзова ржканна свойма . ни потвѣрѣк врады своеј (Тырновская Библия, болгарская рукопись, РНБ, F.I.461, 70-е гг. XIV в., л. 629).¹⁰

Тем не менее, раннюю фиксацией формы *жсъ* можно найти в древнерусской рукописи XI в., переписанной с древнеболгарского оригинала: *иакоже се глыж бледость, и жсъ: и похода огъчайна* (XIII слов Григория Богослова, РНБ, Q.п.1.16, л. 911¹¹) в соответствии с греч. οἴον ώχροτητα λέγω καὶ γενειάδα καὶ βαδίσματος ἥθος (Димитрова 2020: 123) «я говорю о бледности, бороде и манере ходить». В том же памятнике засвидетельствовано чрезвычайно важное однокоренное отглагольное существительное *овжсѣниe*, ср. *Я тты прѣжде овжсѣниia оучиши старьца* (л. 13) в соответствии с греч. καὶ σὺ πρὸ τῆς γενειάδος διδάσκεις τοὺς γέροντας (Димитрова 2020: 124) «а ты, еще не имея бороды, учишь старцев».

Ещё одно важное свидетельство представляет Шестоднев Иоанна Экзарха. Этот памятник был создан не позднее 913 г., однако дошёл до нас только в сравнительно поздних рукописях. Древнейшая из них относится к

8 Русско-церковнославянские примеры из словаря Миклошича непоказательны.

9 Рукопись доступна по адресу: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=577670F3-7234-41AE-8F05-3DDE88A2329E>.

10 В связи с аналогичным решением в тексте Вульгаты (Mifiboseth quoque filius Saul descendit in occursum regis inlötis pedibus et intonsa barba) то же мы находим и в древнечешском переводе Оломоуцкой библии: A v túž hodinu Mifiboseth, syn Jonathóv, syna Saulova, vujěl vstřieci královí, neumyv nóh a neoholiv brady (Kyas 3: 490).

11 Рукопись доступна по адресу: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=36C437CC-23D2-43C9-A6F6-D08C0FBF628C>.

сербской редакции, и в ней мы обнаруживаем такой текст: **ѡваполы ѹѣ** лица чѣлюсти єєстѣ дѣѣ врѣхнѣа и дольнѣа врѣхнѣа же ѹѣсть се наречетъ а нижнѣа врада (ГИМ Син. 345, 1263 г., л. 232а-б) «с обеих сторон лица имеются две челюсти: верхняя называется «усом», а нижняя «бородой» (Баранкова, Мильков 2001: 803) в соответствии с греческим оригиналом Аристотеля “Ἐτὶ δὲ σιαγόνες δύο· τούτων τὸ πρόσθιον γένειον, τὸ δ’ ὀπίσθιον γένυς (Димитрова 2020: 124). В связи с отсутствием континуантов интересующего нас слова в доступном нам сербохорватском диалектном материале, это основной аргумент в пользу того, что схр. рефлекс **(w)osъ* звучал как *ус*.

В болгарском списке Шестоднева мы находим форму **ѧсъ** с характерной среднеболгарской меной юсов: **ѡваполы ѹѣ** лица · чѣлюсти єєстѣ дѣѣ, гόриѣа ѝ дольнѣа · врѣхнѣа же · ѧсъ сѧ наречетъ · а дольнѣа, врада (ГИМ Син. 35, XIV в., л. 166б).

В болгарском переводе Манассиевой хроники греческое *ἴουλος* ‘юношеский пушок’ и производный глагол *ἴουλίζω* ‘покрываться юношеским пушком’ были переданы при помощи слова **навженица** (враднаꙗ), ср.: **Я понеже сиѣъ еж цѣѣ ѹѣже растѣше, и юноша вѣѣ доброрастенъ навженица сѧ ешиа · иѡв отрокъ младъ ѿстал вѣѣ ѿ родителѣѣ своеї** (ГИМ Син. 38, 1345 г., л. 981²) – **ἐπεὶ δ’ ὁ παῖς ὁ βασιλεὺς λοιπὸν ἡλικιοῦτο καὶ μετραξ ἦν καλλιφυής, κροτάφους ίουλίζων (καὶ γὰρ παιδίσκος ἀπαλὸς λέλειπτο τῷ τεκόντι)** (Димитрова 2020: 126); **иѡв мїханѣ дѣка сиѣъ кѡstantиновъ · на вѣзрастъ вѣшѣ ѹѣже іѡношѣскъи и навженица ешиа сѧ враднꙗм · и кесара прїемъ стрига своеего стъпоспѣшника** (л. 129об) – **ὁ γάρ τοι Δοῦκας Μιχαὴλ ὁ παῖς τοῦ Κωνσταντίνου πρὸς τὴν ἀκμὴν ἐπαναβὰς ἥδη τῶν νεανίσκων καὶ χυοῦν ἐπαγγελλόμενος ίουλου τοῖς κροτάφοις, τῷ Καίσαρι χρησάμενος τῷ θείῳ συνερίθῳ** (Димитрова 2020: 126).¹³

Форма **навженица**, по-видимому, уже отражает появление протезы в болгарском, ср. совр. диал. болг. **вѣс** ‘усы’, дериват от него **вѣся** се ‘хмуриться’, также прочие формы: **вѣдица** ‘удочка’, **вѣглица** ‘уголь’, **вѣгарѣц** ‘угорь (личинка)’, **вѣтък** ‘уток’, **вѣзел** ‘узел’.¹⁴

Отдельно следует оговорить слово **юс**, в настоящее время применяемое к буквам, изначально обозначавшие носовые гласные: **ѧ, ѿ, ѧѧ, ѿѡ**, которые в

12 Рукопись доступна по адресу: <https://catalog.shm.ru/entity/ОБЪЕКТ/177571>.

13 Статья Димитровой содержит ещё целый ряд примеров из древнерусских рукописей или древнерусских списков болгарских переводов, но все они содержат непоказательную форму **ѹѣ** (или производные от неё).

14 Единственная форма без протезы в литературном болгарском – **ъгъл** ‘угол’. По всей видимости, это слово книжного происхождения. Как показывают данные ОЛА, в диалектах она представлена далеко не повсеместно, в ряде случаев собиратели пометили её как литературную, кроме того, в нескольких пунктах (117, 119, 123, 133) она демонстрирует рефлекс **ѡ* аналогичный литературному языку, а не характерный для данного говора (ОЛА БМ 2015: 87).

каком-то смысле можно назвать «усатыми». А. И. Соболевский полагал, что слова *ус* и *юс* этимологически тождественны и приводит это как аргумент в пользу праславянской реконструкции без *w-* (Соболевский 1914: 436–437). Однако, как свидетельствуют древнейшие абецедарии, первоначально данное обозначение относилось к глаголической букве *ѱ* (ю) (Зализняк 1999: 547), так что вряд ли слова *юс* и *ус* связаны.

3.2 Словенский

В словенском литературном языке *vôs* значит ‘китовый ус’,¹⁵ начальная протеза перед **q-* имеется в части случаев: **qxati* > *vôhati* ‘нюхать’, **qtxkъ* > *vôtek* ‘уток’, **qtxlъ* > *vôtel* ‘полый’, **qzlъ* > *vôzel* ‘узел’; но в других отсутствует: **qglъ* > *ôgel* ‘уголёк’, **qgrъ* > *Ôger* ‘венгр (устар.)’, **qgorъ* > *ogôr* ‘угорь (рыба)’, **qgorъ* > *ôgrc* ‘угорь (личинка и прыщ)’. Есть случаи колебания (**qgylъ* > *ôgel* / *vôgel* ‘угол’; **qzvckъ* > *ôzek* / *vôzek* ‘узкий’), а также *g*-протезы (**qžv-* > *gôž* ‘полоз’). Не вполне понятно, чем объясняются такой разнобой, но иногда его можно встретить и в говорах, ср. *vô:yle* ~ *ô:yle* ‘уголь’ (ОЛА 009) (ОЛА ФГ 2а/11), хотя в целом для говоров больше характерны формы с протезой.

В рожанских и подъюнских каринтийских говорах слово **(w)qosъ* сохранилось именно в значении ‘ус человека’, оно всегда имеет начальный *w-* или *ç-*: *çô:se* (пункт SLA 022), *çôsë* (027), *çôse* (028), *wôsa*; *wô:sa* (033), *çô:sa* (035) (SLA 1/20). К сожалению, отсутствие карт со словами на **q-* в трёх вышедших томах SLA не позволяет понять, является ли этот *w-* / *ç-* протетическим или указывает на реконструкцию **wqosъ*. Только для пункта 033 (Кнежа / Графенбах) засвидетельствована форма (**qgrica* >) *ô:gôrca* ‘прыщ’ (SLA 1/78), и для него же нам известен ряд слов с протезой: *wôhlô* ‘уголь’ (вопрос 207), *wôhi* ‘угол’ (вопрос 721а), *wôžô* ‘более узкий’ (вопрос 837).¹⁶ Эта же деревня является пунктом ОЛА (148),¹⁷ и данные ОЛА демонстрируют регулярное наличие протезы: *ta çô:sî* ‘узкий’, *çô:senca* ‘гусеница’,¹⁸ *çô:hi* ‘угол’, *çô:hi* ‘уголь’ (ОЛА ФГ 2а/2, 3, 10, 11), *çô:zu* ‘узел’ (материалы ОЛА, вопрос 1241). Таким образом, каринтийские данные не могут считаться аргументом в пользу реконструкции **wqosъ*.

¹⁵ В этом случае можно подозревать влияние сербохорватского русизма *âsi* ‘китовый ус’, особенно если принять во внимание отсутствие этого слова в словарях до Плетершника.

¹⁶ Данные из полевых записей Т. Логара 1967 г., за доступ к которым мы благодарим Й. Шкофиц из Института словенского языка. Кроме того, для SLA материал в Кнеже собирали А. Логар (1967 г.), а также Й. Шкофиц и М. Шекли (2010 г.).

¹⁷ Для ОЛА материал собирали П. Здовц в 1971 г.

¹⁸ Непосредственно в изданном томе ОЛА дана форма с опечаткой: *çô:senca*. Однако в материалах ОЛА записана форма с носовым гласным.

3.3 Чешский и словацкий

Первоочередное значение для проблемы протезы имеют чешские данные. В чешском литературном языке начальный *u*- (любого происхождения) не получает протезы: **qda* > *udice* ‘удочка’, **qgъlъ* > *úhel* ‘угол’, **qglъ* > *uhel* ‘уголь’, **qgorъ* > *úhoř* ‘угорь (рыба)’, **qgrъ* > *uher* ‘угорь (прыщ)’, **qgrъ* > *Uher* ‘венгр (устар.)’, **qtъkъ* > *útek* ‘уток’, **qtroba* > *útroby* ‘утроба’, **qtъlъ* > *útlý* ‘тонкий, хрупкий’, **qvozъ* > *úvoz* ‘дорога в ложбине’, **qzlъ* > *uzel* ‘узел’, **qzъkъ* > *úzký* ‘узкий’, **qžъ* > *užovka* ‘уж’.

В некоторых говорах в таких случаях возможна *h*-протеза, но не *v*-, как наглядно показывают данные ОЛА, см. таблицу 2. Таким образом чешское *vous* может восходить только к **wqosъ*, но не **qosъ*. Проблема, однако, заключается в том, что, как видно из таблицы 2, в чешских говорах представлена только форма *fous* с фонетическими вариантами, а *vous* в них совершенно отсутствует. По данным Чешского языкового атласа, для говоров характерны только формы мн.ч. *fousy*, *fouse*, *fousa*, а форма *vousy* имеется лишь в нескольких моравских городах – Славонице, Свитавы, Опава, Брунтал, Особлага (ČJA 4/100).

Таблица 2: Начальный **q*- в чешских говорах (ОЛА 26/1, 2, 4, 10, 11, 21, 3). Исключены формы, помеченные в атласе как литературные

№ пункта	<i>*(w)qosъ</i>	<i>*qzъkъ</i>	<i>*qžъ</i>	<i>*qgъlъ</i>	<i>*qglъ</i>	<i>*qtroba</i>	<i>*(g)qsenica</i>
175	<i>fouš</i>	<i>oùskej</i>	<i>užofka</i>	<i>u:hel</i>	<i>uhel</i>	-	<i>houseňka</i>
176	<i>fous</i>	<i>ouskej</i>	<i>užofka</i>	<i>u:hel</i>	<i>uhel</i>	<i>outroba</i>	<i>houseňka</i>
177	<i>fouš</i>	<i>oùskej</i>	<i>užofka</i>	<i>u:hel</i>	<i>uhli</i>	-	<i>houseňka</i>
178	<i>fouši</i>	<i>houskej</i>	<i>užofka</i>	<i>u:hel</i>	<i>uhli:</i>	-	<i>houseňka</i>
179	<i>fous</i>	<i>ouskej</i>	<i>užofka</i>	<i>u:hel</i>	<i>uhel</i>	-	<i>houseňka</i>
180	<i>fouš</i>	<i>ouskej</i>	<i>užofka</i> <i>u:žofka</i>	<i>u:hel</i>	<i>uhel</i>	<i>outrobi</i>	<i>houseňka</i>
181	<i>fouš</i>	<i>ouskej</i>	<i>užofka</i>	<i>u:hel</i>	<i>uhel</i>	-	<i>houseňka</i>
182	<i>fouš</i>	<i>ouskej</i>	<i>užouka</i>	<i>u:hel</i>	<i>uhel</i>	-	<i>houseňka</i>
183	<i>fouš</i>	<i>ouskej</i>	<i>užofka</i>	<i>u:hel</i>	<i>uhel</i>	<i>outroba</i>	<i>houseňka</i> <i>houšanka</i>
184	<i>fouš</i>	<i>ouskej</i>	<i>užofka</i> <i>u:žofka</i>	<i>u:hel</i>	<i>uhel</i>	<i>outrobi</i>	<i>houseňka</i>
185	<i>fouš</i>	<i>ouskej</i>	<i>užofka</i>	<i>u:hel</i>	<i>uhel</i>	<i>u:trobi</i>	<i>houseňka</i>
186	<i>fouš</i>	<i>ouskej</i>	<i>užofka</i>	<i>u:hel</i>	<i>uhel</i>	<i>outrobi</i>	<i>houseňka</i>
187	<i>fouš</i>	<i>ouskej</i>	<i>užofka</i> <i>užouka</i>	<i>u:hel</i>	<i>uhel</i>	<i>outrobi</i>	<i>houseňka</i>
188	<i>fouš</i>	<i>ouskej</i>	<i>užofka</i>	<i>u:hel</i>	<i>uhel</i>	-	<i>houseňka</i>

№ пункта	<i>*(w)qṣb</i>	<i>*qṣb</i>	<i>*qṣb</i>	<i>*qgṣlb</i>	<i>*qglb</i>	<i>*qtroba</i>	<i>*(g)qṣenica</i>
189	<i>fous</i>	<i>houṣkej</i>	<i>užofka</i>	-	<i>uhel</i>	-	<i>houṣiŋka</i>
190	<i>fous</i>	<i>oūskej, houṣkej</i>	<i>užofka</i>	<i>u:hel</i>	<i>uhel</i>	-	<i>houṣeŋka</i>
191	<i>fɔ:s</i>	<i>hɔ:ske:</i>	<i>užofka</i>	-	<i>uhel</i>	-	<i>hɔ:ská</i>
192	<i>fɔ:s</i>	<i>oūskej, houṣkej</i>	<i>užofka</i>	-	<i>uhel</i>	-	<i>houṣeŋka houṣiŋka</i>
193	<i>fo:s</i>	<i>ho:ske:</i>	<i>hožufka</i>	<i>hohe:l</i>	<i>hohe:l</i>	-	<i>ho:seŋka ho:ská</i>
194	<i>fo:s</i>	<i>ho:ske:</i>	<i>užofka</i>	-	<i>hohel</i>	-	<i>ho:seŋka</i>
195	<i>fo:s</i>	<i>ho:ske:</i>	<i>užofka</i>	-	<i>uhel</i>	<i>u:trobi:</i>	<i>ho:seŋka ho:seńice</i>
196	<i>fo:s</i>	<i>o:ske:</i>	<i>užofka ožufka</i>	<i>ɔhel</i>	<i>ɔhel</i>	<i>o:tröbe</i>	<i>ho:seŋka ho:sěna</i>
197	<i>fus</i>	<i>usky</i>	<i>užofka</i>	-	<i>uhel</i>	<i>otroba</i>	<i>hušeńica</i>
198	<i>fo:s</i>	<i>ho:ske:</i>	<i>užofka</i>	-	<i>uhel</i> <i>hohel</i>	-	<i>ho:seŋka ho:ská</i>
199	<i>fo:s</i>	<i>ho:ske:</i>	<i>užofka</i>	-	<i>uhel</i>	-	<i>ho:seŋka</i>
200	<i>fous</i>	<i>u:skej</i>	<i>užofka</i>	-	<i>uhel</i>	-	<i>houṣeŋka</i>
201	<i>fɔ:s</i>	<i>ɔ:ske:</i>	<i>užofka</i>	<i>uhel'</i>	<i>uhel'</i>	-	<i>ho:seŋka</i>
202	<i>fus (num.)</i>	<i>usky</i>	<i>užofka</i>	<i>uhel</i>	<i>uhel'</i>	-	<i>huseŋka</i>
203	<i>fus</i>	<i>usky</i>	<i>užofka</i>	-	<i>uhel'</i>	-	<i>hus'eńica</i>
205	<i>fu:s</i>	<i>u:sky:</i>	<i>užofka</i>	<i>uhel</i>	<i>uhel'</i>	<i>u:trob'i:</i>	<i>hu:seŋka</i>
206	<i>fu:s</i>	<i>u:sky:</i>	<i>užofka</i>	<i>uhel</i>	<i>uhel'</i>	<i>u:troby</i>	<i>hu:seŋka</i>
299	<i>fus</i>	<i>usk'i</i>	-	-	<i>uhel</i>	<i>otroba</i>	<i>hušinka</i>

Сведения письменных памятников тоже говорят об употреблении исключительно формы *fous* вплоть до XIX века. При этом старейший обнаруженный нами пример употребления континуанта **(w)qṣb* в чешской книжности относится только к 1537 г.: «*fousy*, kto s nimi chodili, srpy nebo řezáky zlými řezati rozkázali» (Bohuslav Bílejovský, *Kronika česká*) (LDHBČ).¹⁹ В XIX веке в трудах Й. Добровского впервые появляется вариант *vous*. Если учесть, как много заимствований из других славянских языков были введены будителями в чешский словарный состав в это время, кажется резонным подозревать здесь «исправление» формы *fous* по образцу польского *wqs*.

В этой ситуации большое значение приобретают чешские топонимы со вторым элементом *-vousy* и *-ousy*: *Holovousy*, *Mokrovousy*, *Poděvousy*, *Tlustovousy*, *Čertousy*, *Holousy*, *Křivousy*, *Pod'ousy*, *Šmikousy*.²⁰ В исторических

19 Автор выражает благодарность П. Неедлому за предоставление доступа к базе данных.

20 В этот список, по-видимому, не следует вносить *Černousy*, лужицкий по происхождению топоним (Profous 1: 150), а также названия, во второй части которых исследователи усматривают не слово ‘ус’, а суффикс *-is > -ous*: *Hnidousy*, *Levousy*, *Robousy* и др. (Profous 1: 650; 2: 513–514; 3: 570; Šmilauer 2015: 78). Такой суффикс хоть и крайне редок, но в чешском действительно существует и преимущественно образует деадъективные обозначения носителей неких качеств: *divý* ‘дикый, разъярённый’ > *divous* ‘дикарь (невоспитанный

документах, проанализированных А. Профоусом, эти топонимы выглядят следующим образом (в скобках указан год, к которому относится запись).²¹

Podevously: *Podevzi*, *Podeuzei* (1115), *Podeuzi*, *Podevzy*, *Podeusi* (1186), *Podeusi* (1239), *Podyehus* (1379), *Podieussy* (1379), *Podyewus* (1379), *Podiewusiech* (1459), *Potifusz* (1654), *Podiebus*, *Podiehus* (1789), *Podiefusz*, *Podébus* (1839) (Profous 3: 395).

Tlustovously: *Tlustovsi* (1227), *Tlustowusy* (1417), *Tlustovúsich* (1511), *Tlustovousích* (1520), *Tlustoffausy* (1654) (Profous, Svoboda 4: 343).

Holousy: *Golovsi* (ок. 1227), *Golouzi* (1233), *Holovssy* (1288), *Holuss* (1345), *Holusech*, *Holus* (1397), *Holus*, *Holussiech* (1405), *holauſy* (1545) (Profousy 1: 670–671).

Holovously (Краловеградецкий край): *Holows* (1260, 1376), *Holowus*, *Holouus* (1389), *Holowus* (1404, 1410), *Holovousích* (1540), *holowus*, *holowuskym* (1542), *Holovouský z Holovous* (1549), *Holowausy* (1654) (Profous 1: 671).

Holovously (Пльзенский край): *Golow* (1293), *Holowus* (1373), *Holowuss* (1383, 1395), *Olowus* (1409), *Holowus*, *Holowusech* (1449), *Holowaus* (1454), *Holowusych* (1543/1530), *Holowusijch* (1547), *Holovousích* (1655), *Holofaus* (1785, 1845) (Profous 1: 671).

Pod'ousy: *Podehus* (1298), *Podyeus* (1319), *Podiews* (1338), *Podyeus* (1382), *Poděvúsich* (1498), *Padausy* (1654), *Podiausy* (1719), *Podiaus* (1844), *Poděvousy* (1854), *Pod'ousy* (1886) (Profous 3: 408).

Čertousy: *Tyrczus* (1322), *Trczuss* (1329), *Tirczauss* (1357), *Trczusy* (1385), *Trczeus* (1389–1404), *Trcziehuss* (1397), *Strczhus* (1398), *Trczuss* (1399), *Tirczuss* (1400), *Strcziehuss* (1407), *Trczehus* (1432), *Trczaus* (1436), *Trczyhusy* (1437), *Trčúsech* (1438), *Trčeús* (1454), *Trczews* (1471), *Trčausich* (1483), *Čertousich* (1521), *Terczaus*, *Czertaus* (1530), *Čertúsich* (1542), *Czertausych* (1545, 1549), *Czertowsy*, *Kartaus* (1654), *Karthaus*, *Cartaus* (1788), *Kartaus*, *Čertousy* (1854), *Čertousy* (1886) (Profous 1: 337).

Podeúsy: *Podyews* (ок. 1350) (Profous 3: 395).

Mokrovously: *Mocrowus* (1366), *Mokrowus* (1380, 1391, 1401), *Mokrowss* (1395), *Mokrowíský*, *Mokrowausy* (1443), *Mokrovúsóm* (1447), *Mokrovúsic*, *Mokrovúsy*, *Mokrovousích* (1494), *Mokrovousich* (1522), *Mokrowaus* (1541) (Profous 3: 128).

Křivously: *Crywus* (1382), *Krzywus* (1391), *Krzywust* (1392), *Krzywusiech* (1395), *Křivohu-*
su (1405), *Kržiwus* (1407), *Kržibus* (1414), *Křívus*, *Křívústech*, *Křívúsech* (1428), *Křívústech* (1473), *Křivousich* (1539), *kržiwusych* (1547), *Kržiwausy* (нач. XVII в.) (Profous 2: 405).

Šmikously: *Czmikus* (1392), *Smicus* (1393), *Sczmykuss* (1395), *Smykus* (ок. 1400), *Sczmikus* (1413), *Smykussye* (1415), *Šmikuský* (1437), *Šmikovský* (1439), *Ssmikusech* (1463), *Šmíkúscich* (1499), *Šmíkusech* (1525), *Ssmikusy* (1628), *Schmikus* (1846), *Šmikesy* (1895) (Profous, Svoboda 4: 289).

Корень **qs*- также усматривают в моравском топониме *Hustopeče* (первая фиксация как *Vzpez* в 1247 г.) якобы из **qsopek*-, видоизменившегося под влиянием *husto* ‘густо’ (Hosák – Šrámek 1: 308–310), однако семантически это кажется не очень привлекательным, даже несмотря на наличие в чешской и моравской топонимике насмешливых обозначений вроде *Kotojedy* или *Kotopeky*.

человек), *mrňavý* ‘шуплый, мелкий’ > *mrňous* ‘малютка’ (SAUČ 2016: 439).

²¹ К сожалению, некоторые издания, использованные Профоусом осовременивают графику памятника в соответствии со сложившейся в чешской науке традиции.

К сожалению, графика древнейших памятников (так называемый *primitivní pravopis*) серьёзно усложняет анализ. Так, записи вроде *Podeusi* и *Thlustoysi* совершенно не обязательно отражают произношение с хиатом, то есть **Poděsy* и **Thlustošy*, поскольку в XII–XIII вв. буквы *w*, *v*, *u* могли обозначать также сочетания *vu* и *vú*, ср. современные *Levousy*, записанные как *Leus* (1273) (Profous 2: 513), таким образом *Thlustoysi* можно прочесть и как **Thlustošy* и как **Thlustoúsy*.

Более поздние записи вида *Thlutowusy* однозначны в плане произношения, однако *-v-* в них может быть не исконным, а результатом заполнения хиата, ср. **raqkъ* > др.-чеш. *pavúk*,²² засвидетельствованное уже в Клементинской псалтыри (середина XIV в.).

В то же время не вполне показательны и формы вроде *Holousy*, поскольку они могут восходить как к праформе с хиатом и стяжением (**goloqs-*), так и без него (**golowqs-*), на что указывает судьба слова *motouz* ‘бечёвка’, восходящего к др.-чеш. *motovúz* и далее к **motowqzъ*. По всей вероятности, в какой-то момент это слово пережило гаплологию *motovouz* > *motouz*²³ либо выпадение *-o-* (ср. слвн. устар. *motvôz* ‘бечёвка’) с последующим упрощением *vú* > *ú*. Так же двояко можно трактовать слово *pilous* ‘долгоносик’, по мнению Й. Зубатого, из **piloqsъ* (Zubatý 1911: 87–90).²⁴

По-настоящему важным свидетельством являются формы с *-h-*, заполнившим хиат: *Podyehus*, *Trcziehuss*, *Křivohusu* и др.

Ещё одно доказательство в пользу **qs-* – это формы вроде *Trczus* из **tъrc̄iqs-* или **tъrc̄eqs-* со стяжением гласных. Подобные примеры известны: **neostopъ* > др.-чеш. *Nóstup* (личное имя); **neosvyl-* > топоним *Nusle* (вместо *Nûsle*); **bělook-* > топоним *Běloky*, засвидетельствованный как *Běluk* (1467), *Běluciech* (1500)²⁵ (Gebauer 1: 232; Profous 3: 238–239; Profous 1: 51–52). Древнечешскому подобные примеры известны и в аппелятивной лексике (Gebauer 1: 232), однако они были постепенно уничтожены аналогией (ср. *poobědní* вместо *přbědní*). Вероятно, как восстановленные по аналогии следует рассматривать вышеупомянутые формы вроде *Trčeüs*, они бы также объясняли отсутствие чешской перегласовки (из *Trčisy* мы бы ожидали **Trčisy*, как *Ježúš* > *Ježíš* ‘Иисус’). В таком случае как вторично

²² Для моравских и силезских говоров характерны формы без заполнения хиата – *paúk*, *pauk*, *pouk* (ČJA 2/57).

²³ То же было предложено для *licousy* ‘бакенбарды’ из **licovousy* (Rejzek 2001: 342), однако это непоказательный неологизм.

²⁴ Важным аргументом при этом служит форма *pilvaus* ‘улитка’ у Гаека, однако Я. Голейшовский полагал данную форму выдумкой Гаека, а *pilous* считал дериватом от прилагательного *pilovatý* ‘пиловидный’ с вышеупомянутым суффиксом *-ous* (VMK 1: 239).

²⁵ Эти записи говорят против альтернативной этимологии, усматривающей в *Běloky* суффикс *-ok* (Svoboda – Šmilauer 5: 126).

восстановленные можно рассматривать и *Holovousy*, *Mokrovousy*, *Poděvousy*, *Plustovousy*. На наличие фактора аналогии указывает и сама дублетность *Poděvousy* / *Pod'ousy*.

Возвращаясь к форме *fous*, укажем, что объяснению начального *f*- в ней не было уделено заслуженного внимания. Я. Гебауэр отметил это как факт мены *v* на *f* наряду с другими разномастными примерами: диал. *fak* вместо *vak*, диал. *rozflasanej* ‘растрёпанный’ при *vlas* ‘волос’, звукоподражательное *frčet* при *vrčet*, *klofat* из *klovat* и др.-чеш. *úfati* из **iprvati* (Gebauer 1: 430). С. Утешеный в связи с дублетностью *vousy* ~ *fousy* указал также на чешские диалектные обозначения осы – *fúsa* и *fusa* при чеш. лит. *vosa* (Utěšený 1962: 173; ČJA 2/50).²⁶

В то же время *f*- в чеш. *fous*,²⁷ а также слвц. *fúz*, по нашему мнению, может объясняться ассоциацией с глаголом *foukat* / *fíkat* ‘дуть’ (ср. русское *и в ус не дуть*). Аналогичный пример – чеш. экспр. и шутл. *frňousy* ‘усы’, подвергшееся влиянию *frnět* ‘сопеть, пыхтеть’ (Waniakowa 2010: 220).

Звонкость второго согласного в слвц. *fúz* может объясняться влиянием унгаризма *bajúz*. Несколько иная контаминация с венгерским словом отмечена также в украинских закарпатских формах *бáўса* и *бáвса* (Дзендерівський 1/42), а также в лемковской *baćisy* (Stieber 6/47).

3.4 Восточнославянские языки

В литературном белорусском протеза присутствует перед *у*- любого происхождения почти последовательно: *вúгал* ‘угол’, *вúгаль* ‘уголь’, *вугóр* ‘угорь (личинка и прыщ)’, *вúда* ‘удочка’, *вúзел* ‘узел’, *вúзki* ‘узкий’, *вúж* ‘уж’, *вúтка* ‘утка (газетная)’. Исключением является *утóк*.

То же характерно и для большинства говоров, хотя, согласно данным ОЛА, в ряде из них протеза представлена непоследовательно. Тем не менее, нам не удалось найти ни одного говора, в котором форма *ус* соседствовала бы исключительно с формами на *у*-, что могло бы свидетельствовать в пользу реконструкции **qs*ъ. Напротив, в ряде говоров обнаруживаются *us* (337, 350, 353, 361, 362, 373, 382), *us/wus* (343), *us/yus* (363), *hus* (374), а в остальных – *wus*, а не **vus* (ОЛА ФГ 26/1). *Ус* также характерно для старобелорусских письменных памятников (ГСБМ 35: 227).

В украинском протеза появлялась перед *у*- любого происхождения, но не вполне последовательно. Ю. Шевелёв полагал, что она зависела от наличия

26 Интересные примеры оглушения начального *v*- обнаруживают некоторые южнославянские говоры: *'vene:* ~ *'fene:* ‘вянет’ (пункт 74) (ОЛА 2а/35), *'v̥ba* ~ *'f̥ba* (75, 84), *'v̥i:ba* ~ *'f̥i:ba* (76), *'f̥i:ba* (77), *f̥i:ba* (97), *f̥rba* (99), *fra'ba* (122) ‘верба’ (ОЛА 3/5), *vrá:bac* ~ *frá:bac* (76, 78) ‘воробей’ (ОЛА ЛС 13/25).

27 Видимо, чешским влиянием объясняются польские силезские формы *fúś(y)*, *fónsy* и *fúpn-s(y)* (AJŚ 4/607).

ударения (протеза не возникала перед безударным гласным) и консонантного кластера после *у-* (Shevelov 1979: 448), но, кажется, под это подпадают не все случаи, ср.: *вúгиль*, *вúгол*, *вугóр*, *вúдка*, *вуж*, *вúзол*, *вузъкий*, *вúтлий*, *утíк*, *утрóба*. Ещё меньшую последовательность демонстрирует целый ряд говоров. Нам удалось обнаружить лишь два говора с дублетностью *us* / *wus* и *u-* во всех остальных словах на **q-*: 493 и 847 (ОЛА ФГ 26/1, 2, 4, 10, 11, 21, ОЛА ЛС 2/22).

Русские диалектные данные поддерживают реконструкцию **qsъ*, однако следует отметить, что есть русские говоры, не имеющие *v*-протезы, но демонстрирующие форму *вус* (пункты ОЛА 527, 710, 797, 811, 835) (ОЛА ФГ 26/1, 2, 4, 10, 11, 21, ОЛА ЛС 2/22). Впрочем, почти все говоры находятся на западной периферии (кроме переселенческого 527 в Эстонии), так что данное *v-* можно объяснить белорусским или украинским влиянием.

4 Выводы

Как было показано выше, древнеболгарские формы (*жсъ* (XI в.), *жсъ* (XIV в.)) и древнесербская (*ѹсъ* (XIII в.)) говорят в пользу реконструкции **qsъ*. Словенские диалектные формы амбивалентны. Древнечешские данные не вполне однозначны, но скорее также указывают на вторичность *v-*. Наконец восточнославянские говоры тоже свидетельствуют в пользу **qsъ*.

Таким образом, вся совокупность релевантных данных заставляет нас полагать единственной обоснованной для позднего праславянского реконструкцией **qsъ*. Тем не менее, это ни в коей мере не является доводом в пользу гипотезы О.Н. Трубачёва. Для более ранней стадии праславянского вполне можно восстанавливать и **wqsъ*, а для утраты *w-* существуют обоснованные объяснения.

Наиболее предпочтительным из объяснений утраты *w-*, по нашему мнению, выглядит влияние глагола **obqsēti* ‘обрасти усами’ (из **obwqsēti* с закономерным упрощением *bw* > *w*). Как было показано выше, именно так может объясняться **obwqditi* > *obuditi* > чеш. *udit* и слвц. *údil* ‘коптить’. Конечно, этот глагол не столь уж хорошо засвидетельствован в славянских языках, однако помимо вышеупомянутой формы *овжсъниe* есть также *овѹсъваa* (Хроника Малалы) и *овѹсяшe* (Житие Саввы Освященного) (СлРЯ XI–XVII 12: 180). Более того, именно этот глагол перекидывает идеальный семантический мостик от внешних когнаторов славянского слова, таких как прус. *wanso* ‘юношеский пушок на лице’ и др.-греч. *ἴονθος* ‘id’, к значению ‘усы’, поскольку первый пушок у юношей и появляется сперва на верхней губе.

Второе возможное объяснение – фонетическое. Если праславянский **q*, как иногда предполагается, имел качество [q̚] или даже [ç], то можно предположить, что *w-* в группе **wq-* мог иметь тенденцию к утрате (ср. вышеописанные случаи упрощения *wu > u* в различных славянских говорах). К сожалению, у нас не так много примеров на начальное **wq-*. Сюда можно отнести тот же глагол **wqđiti* ‘коптить’, а также с меньшей долей уверенностью **qza* ‘верёвка’, **qzlъ* ‘узел’, **qzъkъ* ‘узкий’ при родственном **węzti* ‘вязать’. В случае последнего гнезда обычно принимается вторичность *w-* именно в глаголе (Аникин 9: 244–245), однако, на наш взгляд не стоит совсем сбрасывать со счетов возможность того, что анлаут **qza*, **qzlъ* и **qzъkъ* может не быть реликтом древнего состояния. Особо отметим, что как в гнезде **(w)osъ*, так и в гнезде **węzti* появляется начальный **g-*: **gosěnica* ‘гусеница’ и **gōžъ* ‘гуж’, однако трактовка этого сложного явления уже выходит за пределы задач данной статьи.

Заманчивой может показаться также идея народноэтимологического сближения слова **osъ* со словом **usta* ‘рот’, особенно с учётом того, что в закарпатских украинских говорах словом *ўста* ~ *вўста* называют усы (Дзендеревский 1/42), однако этот фактор мог работать в восточнославянском, чешско- словацком и сербохорватском ареалах, но никак не в болгарском, так что, пожалуй, от этой мысли следует отказаться.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аникин 1–18** = Александр Е. Аникин, *Русский этимологический словарь*, Москва – Санкт-Петербург, 2007–2024.
 [Aleksandr E. Anikin, *Russkij ètimologiècheskij slovar'*, Moskva – Sankt-Peterburg, 2007–2024.]
- Баранкова – Мильков 2001** = Галина С. Баранкова, Владимир. В. Мильков, *Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского*, Санкт-Петербург: Аletejia, 2001.
 [Galina S. Barankova – Vladimir V. Mil'kov, *Shestodnev Ioanna ekzarkha Bolgarskogo*, Sankt-Peterburg: Aletejia, 2001.]
- БЕР 1–8** = *Български етимологичен речник 1–8*, София, 1971–2017.
 [Bъlgarski etimologičen rečnik 1–8, Sofija, 1971–2017.]
- ГСБМ 1–37** = *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, Мінск, 1982–2017.
 [Gistaryčnyj slovník belaruskaj mowy, Minsk, 1982–2017.]
- Дзендеревский 1–3** = Йосип О. Дзендеревський, *Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (лексика)*, Ужгород, 1958–1993.
 [Josip O. Dzenderiv's'kij, *Lingvističnij atlas ukraïns'kih narodnih govoriv Zakarpats'koj oblasti URSR (leksika)*, Užhorod, 1958–1993.]
- Димитрова 2020** = Анета Димитрова, Езикови данни за мустаците в средновековна България, *Bulgaria Mediaevalis* 11.1 (2020), 119–128.
 [Aneta Dimitrova, Ezikovi danni za mustacite v srednovekovna Bъlgarija, *Bulgaria Mediaevalis* 11.1 (2020), 119–128.]
- ЕСУМ 1–6** = *Етимологічний словник української мови*, Київ, 1982–2012.
 [Etimologičnij slovník ukraïns'koj mowy, Kiiv, 1982–2012.]

- Зализняк 1999** = Андрей А. Зализняк, О древнейших кириллических абецедариях, в: *Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сб. к 70-летию Вячеслава Всеиводовича Иванова*, Москва: ОГИ, 1999, 543–576.
 [Andrej A. Zaliznjak, O drevnejših kirilličeskikh abecedarijah, v: *Poëтика. Istorija literatury. Lingvistika. Sb. k 70-letiju Vjačeslava Vsevolodoviča Ivanova*, Moskva: OGI, 1999, 543–576.]
- ОЛА** = *Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая 1–9; Серия лексико-словообразовательная 1–13*, Београд – Москва – Wrocław – Warszawa – Kraków – Zagreb – Скопје – Минск – Praha – Bratislava – Санкт-Петербург, 1988–2024.
 [*Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas. Serija fonetiko-grammatičeskaja 1–9; Serija leksiko-slovoobrazovatel'naja 1–13*, Beograd – Moskva – Wrocław – Warszawa – Kraków – Zagreb – Skopje – Minsk – Praha – Bratislava – Sankt-Peterburg, 1988–2024.]
- ОЛА БМ 2015** = *Общеславянский лингвистический атлас. Болгарские материалы*, София, 2015.
 [*Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas. Bolgarskie materialy*, Sofija, 2015.]
- Саенко 2019** = Михаил Н. Саенко, Бывают ли усы до плеч: семантика праславянского *въгкъ и её дрейф в языках-потомках, *Linguistica Brunensis* 67.2 (2019), 39–56.
 [Mihail N. Saenko, Byvajut li usy do pleč: semantika praslavjanskogo *v'gkъ i eë drejf v jazykah-potomkakh, *Linguistica Brunensis* 67.2 (2019), 39–56.]
- Саенко 2022** = Михаил Н. Саенко, Праславянское название легких: *pluťa или *pľuťa?, *Славянский мир в третьем тысячелетии* 17. 3–4 (2022), 101–124.
 [Mihail N. Saenko, Praslavjanskoe nazvanie legkih: *pluťa ili *pľuťa?, *Slavjanskij mir v tret'em tysjačeletii* 17. 3–4 (2022), 101–124.]
- СлРЯ XI–XVII 1–31** = *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, Москва – Санкт-Петербург, 1975–2019.
 [*Slavar' russkogo jazyka XI–XVII vv.*, Moskva – Sankt-Peterburg, 1975–2019.]
- Соболевский 1914** = Алексей И. Соболевский, Несколько заметок по славянским вокализму и лексике, *Русский филологический вестник* 71.2 (1914), 431–448.
 [Aleksej I. Sobolevskij, Neskol'ko zametok po slavjanskim vokalizmu i leksike, *Russkij filologičeskij vestnik* 71.2 (1914), 431–448.]
- Трубачёв 1–4** = Олег Н. Трубачёв, *Труды по этимологии*, Москва: ЯСК, 2004–2009.
 [Oleg N. Trubačëv, *Trudy po ètimologii*, Moskva: JaSK, 2004–2009.]
- Фасмер 1–4** = Макс Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, Москва, 1986–1987.
 [Maks Fasmer, *Ètimologièeskij slovar' russkogo jazyka*, Moskva, 1986–1987.]
- Черных 1–2** = Павел Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, Москва, 1999.
 [Pavel Ja. Černyh, *Istoriko-ètimologièeskij slovar' sovremenennogo russkogo jazyka*, Moskva, 1999.]
- Шалаева 2021** = Татьяна В. Шалаева, Протетические согласные на лингвистической карте и в этимологии, *Jezikoslovni zapiski* 27.1 (2021), 189–201.
 [Tat'jana V. Šalaeva, Proteticheskie soglasnye na lingvisticheskoi karte i v etimologii, *Jezikoslovni zapiski* 27.1 (2021), 189–201.]
- ЭССЯ 1–42** = *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*, Москва: Наука, 1974–2022.
 [*Ètimologièeskij slovar' slavjanskih jazykov: praslavjanskij leksièeskij fond*, Moskva: Nauka, 1974–2022.]
- AJŚ 1–8** = *Atlas językowy Śląska*, Kraków – Warszawa, 1969–1996.
- Bezlaj 1–5** = France Bezlaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika 1–5*, Ljubljana, 1977–2005.
- Boryś 2005** = Wiesław Boryś, *Slownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 2005.
- Brückner 1985** = Aleksander Brückner, *Slownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985.
- ČJA 1–5** = *Český jazykový atlas*, Praha, 1992–2005.

- ERHJ 1–2** = Ranko Matasović – Tijmen Pronk – Dubravka Ivšić – Dunja Brozović Rončević, *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika*, Zagreb, 2016–2021.
- Gebauer 1–4** = Jan Gebauer, *Historická mluvnice jazyka českého*, Praha – Vídeň, 1894–1929.
- Gluhak 1993** = Alemko Gluhak, *Hrvatski etimološki rječnik*, Zagreb, 1993.
- Holub – Kopečný 1952** = Josef Holub – František Kopečný, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1952.
- Hosák – Šrámek 1–2** = Ladislav Hosák – Rudolf Šrámek, *Místní jména na Moravě a ve Slezsku*, Praha, 1970–1980.
- Králik 2015** = Lubor Králik, *Stručný etymologický slovník slovenčiny*, Bratislava, 2015.
- Kyas 1–5** = Vladimír Kyas, *Staročeská bible Drážďanská a Olomoucká*, Praha: Academia, 1981–2009.
- LDHBČ** = Petr Nejedlý et al., *Lexikální databáze humanistické a barokní češtiny*, madla.uje.cas.cz.
- LIV 2001** = *Lexikon der indogermanischen Verben*, Wiesbaden, 2001.
- MAGP 1–13** = *Maly atlas gwar polskich*, Wrocław – Kraków, 1957–1970.
- Profous 1–3** = Antonín Profous, *Místní jména v Čechách. Jejich vznik, původní význam a změny 1–3*, Praha, 1954, 1949, 1951.
- Profous – Svoboda 4** = Antonín Profous – Jan Svoboda, *Místní jména v Čechách. Jejich vznik, původní význam a změny 4*, Praha, 1957.
- Rejzek 2001** = Jiří Rejzek, *Český etymologický slovník*, Brno, 2001.
- SAUČ 2016** = *Slovník afixů užívaných v češtině*, Praha: Karolinum, 2016.
- Schuster-Šewc 1–24** = Heinz Schuster-Šewc, *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und nidersorbischen Sprache*, Bautzen, 1978–1989.
- Shevelov 1979** = George Y. Shevelov, *A historical phonology of the Ukrainian language*, Heidelberg: Carl Winter, 1979.
- SLA 1–3** = *Slovenski lingvistični atlas 1–3*, Ljubljana, 2011–2023.
- Smoczyński 2007** = Wojciech Smoczyński, *Słownik etymologiczny języka litewskiego*, Wilno, 2007.
- Stieber 1–8** = Zdzisław Stieber, *Atlas językowy dawnej Lemkowszczyzny*, Łódź, 1956–1964.
- Svoboda – Šmilauer 5** = Jan Svoboda – Vladimír Šmilauer, *Místní jména v Čechách. Jejich vznik, původní význam a změny 5*, Praha, 1960.
- Šmilauer 2015** = Vladimír Šmilauer, *Osidlení Čech ve světle místních jmen*, Praha: Academia, 2015.
- Utěšený 1962** = Slavomír Utěšený, Čmeláci, fčeláci, vosáci a sršáni v českých nářečích, *Naše řeč* 45.5–6 (1962), 171–181.
- VMK 1–2** = Václav Machek, *Korespondence*, Praha: Lidové noviny, 2011.
- Waniakowa 2010** = Jadwiga Waniakowa, O pochodzeniu czes. kníry ‘wąsy’, *Linguistica Brunensis* 58.1–2 (2010), 217–223.
- Zubatý 1911** = Josef Zubatý, Výklady etymologické a lexikální, *Sborník filologický* 2.1 (1911), 53–111.

Povzetek

Praslovansko *(w)QSЬ ‘brk’: problemi rekonstrukcije

Prispevek na osnovi starobolgarske oblike **жсъ** (11. stoletje), **мсъ** (14. stoletje) in starosrbske oblike **ојсъ** (13. stoletje) rekonstruira praslovansko obliko ***QSъ**. Slovenske narečne oblike so ambivalentne. Staročeški podatki niso povsem enoznačni, vendar tudi bolj kažejo na sekundarnost **v-**. Navsezadnjje tudi vzhodnoslovanska narečja pričajo v prid ***QSъ**. To pa nikakor ne potrjuje hipoteze O. N. Trubačova. Za zgodnejšo fazo praslovanskega jezika je povsem mogoče rekonstruirati ***wQSъ**, za izgubo **w-** pa obstajata utemeljeni razlagi.

Po našem mnenju je najbolj sprejemljiva razlaga, ki se opira na vpliv glagola ***oboseći** ‘dobiti brke’, iz ***obwoseći** z regularno poenostavljivo **bw** > **w**. Prav ta glagol ustvarja idealen semantični most med sorodnicami slovanske besede, kot sta **stprus**, **wan-so** ‘mladostni puh na obrazu’ in starogr. **iovθος** ‘id’, in pomenom ‘brki’, saj se prvi puh pri mladeničih pojavi najprej na zgornji ustnici.

Druga možna razlaga je fonetična. Če je imel praslovanski ***q**, kot se včasih domnevava, kakovost [q] ali celo [u], je mogoče domnevati, da se je ***w-** v sklopu ***wq-** izgubljal.

SUMMARY

Proto-Slavic **(w)qṣn* ‘moustache’: Problems of Reconstruction

Based on the Old Bulgarian forms *ѫсъ* (eleventh century) and *ѫсъ* (fourteenth century), and the Old Serbian form *ѹсъ* (thirteenth century), this article reconstructs the Proto-Slavic form **qṣn*. Slovenian dialect forms are unambiguous. Old Czech data are not entirely unambiguous, but they also point to the secondary nature of *v-*. Finally, East Slavic dialects also testify in favor of **qṣn*. However, this in no way confirms Oleg Trubachev’s hypothesis. For the earlier phase of Proto-Slavic, it is entirely possible to reconstruct **wqṣn*, and there are two plausible explanations for the loss of *w-*.

In our opinion, the most acceptable explanation is based on the influence of the verb **obqṣeti* ‘to grow a moustache’, from **obwqṣeti* with the regular simplification *bw* > *w*. This verb creates an ideal semantic bridge between related Slavic words, such as the OPrus. *wanso* ‘youthful downy hair on the face’ and Ancient Greek *ἴονθος* ‘idem’, and the meaning ‘moustache’, because the first downy hair in young men appears on the upper lip. Another possible explanation is phonetic. If Proto-Slavic **q*, as is sometimes assumed, had the quality [č] or even [u], it can be assumed that **w-* was lost in the sequence **wq-*.